

Лунный свет, проникающий сквозь трещины в камне, постепенно сменялся золотым светом восхода. Когда небо посветлело, Линь Цинъю пробудился от кошмара.

Оглядевшись вокруг в оцепенении, он убедился, что это был не сон, а то, что он попал в эту пещеру. Жизнь и смерть находились под контролем других.

Тело в его руках все еще с высокой температурой, и человек, похоже, находится в коме. Когда его глаза закрыты, его лицо без ярких глаз выглядит гораздо более плоским. Линь Цинъю расстелил ткань на земле и уложил его на пол. Аккуратно положил его сверху, а затем встал, слабый ухмыляющийся смех становился все ближе и ближе.

"О, так рано вставать". Уродливый мужчина в красной одежде осторожно вошел с поднятым вверх пальцем орхидеи и улыбнулся.

Несколько человек, следовавших за ним, быстро внесли множество вещей и высыпали раскаленный уголь в железную печь.

"Дорогой мастер, я могу попросить свою семью заплатить вам выкуп, не могли бы вы отпустить нас?" Линь Цинъю сказал скромным тоном, слегка согнув колени.

"Йо! Слушай, **** и соси..." Яюэ покачала пальцем, села на стул и сказала, "Женщина, мой господин, самое главное - это деньги."

"Тогда чего ты хочешь? Пока у меня есть, я найду их для тебя". Линь Цинъю прямо посмотрела на него.

"У тебя есть то, что я хочу", - усмехнулся Яюэ и сказал: "Я хочу услышать твои крики, услышать твой отчаянный плач и хочу увидеть искаженное выражение твоего лица. Порадуй меня".

"Если ты меня ублажишь, и я буду готова заплатить выкуп, мы сможем спасти наши жизни?" сказал Линь Цинъю.

Яюэ слегка сузила глаза, снова зажгла факел, а затем пристально посмотрела на Линь Цинъю. Эта женщина еще вчера была в панике, и она не могла удержаться от слез, когда увидела, что мужчину избивают. Безразличный взгляд, глаза прозрачные, как чистая вода, настолько спокойные, что людям хочется разорвать ее на части.

Позволив подчиненным открыть ограду, Яюэ встала, прошла перед ней и с улыбкой вытащила ее за ограду: "Тогда дай мне сначала посмотреть, как ты можешь мне понравиться?".

Потянув за собой Яюэ, Линь Цинъю все еще боролась с культистами, которые хотели оттащить Ин XIII, и сказала: "Сегодня лидер приглянулся мне, не позволяйте людям делить мою благосклонность!"

Яюэ кивнула, позволяя прихожанам отойти в сторону, и сказала: "Очень хорошо, очень интересно. Можешь ли ты сказать мне, что вдруг сделало тебя такой храброй?"

Мама, я всю ночь занималась мысленным строительством! Даже если ты боишься, разве ты можешь не пытаться меня? В любом случае, меня будут пытаться, я боюсь, что ты - яйцо!

Линь Цинъю спросил: "Простите, учитель, вы хотите услышать мой крик или увидеть, как я

терплю? Лично я думаю, что кричать лучше, потому что я ничего не могу с этим поделать".

Яоюэ сорвала вторую половину своей белой одежды. Линь Цинъюй как раз собирался выбросить ее, но не боялся смерти. Он взял половину белой одежды, а затем снял с нее **** и бросил одежду в забор. Скользкий Линь Цинъюй встретился с удивленными глазами Яо Юэ и сказал: "Не трать ее зря. Ночью очень холодно. Если есть немного укрытия, просто оставь немного".

Она высокая и пухлая, кожа здоровая, белые глаза, высокая грудь и ягодицы, все это говорит о жизненной силе.

Хотя она вовсе не была красивой женщиной, которая ему нравилась, Яо Юэ все равно почувствовал, как у нее перекатывается горло.

"Привяжи ее!" Яо Юэ повернулась и приказала.

Крепко связанные руки были подвешены. Когда веревка потянула тело вверх, мышцы и вены так болели, а под ноги подвесили тяжелый каменный пирс, отчего тело дергало вверх-вниз, голова Линь Цинъюй вырвалась, и чуть не вырвалась, самая отъявленная разновидность вытягивания и раскалывания в центре мира: Я признаюсь!

Услышав удар хлыста, Линь Цинъюй не мог не воскликнуть.

"Заткнись! Я еще не курила!" сердито сказала Яоюэ, ведь только что она была спокойной и самодостаточной? Почему после того, как она повесила трубку, она не выглядит как ни в чем не бывало?

"Его господин, пожалуйста, дайте мне что-нибудь, чтобы заткнуть рот, мое тело реагирует естественно, я не могу его контролировать". Линь Цинъюй посмотрел на него, затем взглянул на кнут и повернул голову.

"Это хорошая идея." Яоюэ кивнула прихожанам, а некоторые прихожане взяли плетку и засунули ее в рот.

Бабушка, это Ниу Чу? Забудь об этом, Линь Цинъюй признал свою судьбу, откусил жвачку, посмотрел на Ин Тринадцатую, которая все еще спала на заборе, закрыл глаза и посмотрел так: ты готова, я готов.

Боль от кнута на ее теле была далека от того, что она могла вынести. Это была боль, которую она не могла себе представить. Рот был заблокирован, и она не могла издать крик, чтобы облегчить его. Она могла только постоянно крутить телом и качать головой. Оттуда, где трещины переполняются кричащим послевкусием.

Линь Цинъюй хотела подумать о чем-то радостном или о других вещах, чтобы отвлечь свое внимание, но резкая боль не давала ее разуму ни на секунду отвлечься. Если бы она хотела потерять сознание, чтобы избежать боли, ее бы снова и снова будила соленая вода. Боль почти заставила ее подумать, что она достигла своего предела и вот-вот умрет в следующий момент.

"Нет? Ты не выдержала после десяти ударов плетью?" раздался довольный голос Яоюэ, заставив Линь Цинъюй немного прийти в себя.

Всего десять плетей? Сколько раз я заходила на сайт **** с десятью плетями! У Линь Цинъюй

потекли слезы, он жалобно посмотрел на Яююэ.

"Развяжись, дай мне послушать, что она скажет?" Яююэ улыбнулась.

"Давай изменим другой способ". прошептала Линь Цинъюй, как только бит был снят.

А? Почему бы не попросить пощады? Неправильно! Она умоляет о пощаде, но почему это звучит так неприятно? Яююэ коснулась ее подбородка, посмотрела на нее и спросила "Что ты хочешь изменить?".

Я не хочу ничего менять. У тебя нет ничего, чего бы я хотела. Лин Цинъюй обвел глазами пещеру, но не смог найти ничего, что казалось бы менее болезненным, чем кнут, поэтому пробормотал.

Яююэ подошла к ней, прикрыв ладонью правую грудь, и сказала: "Интересный шрам. Почему бы мне не помочь тебе добавить немного, гм, было бы неплохо добавить несколько цветков сливы".

Прихожанин рядом тут же достал из железной печки пищавший паяльник и протянул его Яо Юэ.

"Вообще-то я думаю, какой из них хороший!" Энтузиазм паяльника был уже близко к коже, и Линь Цинъюй проболталась.

В том направлении, куда наугад указывала ее голова, стоял деревянный осел, тянущий деревянную кровать из досок с гвоздями, Яо Юэ подняла брови, положила паяльник и спросила: "Думаешь, эти два хороши?".

По сравнению с деревянным ослом, потребуется больше времени, чтобы вывихнуть сустав и раздробить кости. Линь Цинъюй принял мучительное решение и кивнул.

"Интересно, интересно, хахаха!" Яююэ сказала с широкой улыбкой: "Давай, подвинь деревянную кровать".

"Стоп!" Разбуженный смехом Яююэ, Ин Шисань открыл глаза и увидел обнаженное тело Лин Цинъюй, бросился к забору и зарычал.

"О, проснулся? Мальчик, ты хороший ****". Яююэ посмотрела на Ин Шисаня в очень хорошем настроении и улыбнулась.

"Что ты собираешься делать, подойди ко мне и отпусти ее!" крикнул Ин Шисань с раскосыми глазами.

Яо Юэ улыбнулась ему, отступила назад, и хлыст в ее руке потянулся к телу Линь Цинъюй, без малого, крик, подобный сотрясению земли, вырвался из ее рта.

Яо Юэ была ошеломлена на мгновение, а затем взяла другой хлыст, Линь Цинъюй испустил еще один крик, который прозвучал как мир, а затем его тело начало извиваться.

"Разве ты не очень красиво кричишь?" Яююэ с интересом подошла и взмахнула кнутом.

"А-а-а-а-а-а!"

Ин Тринадцатый сделал паузу, зная, что если он скажет еще что-нибудь, то это только еще больше возбудит Яююэ. Рука, державшая забор, уже глубоко вонзилась в толстую деревянную палку, и она с ревом опустила голову на забор.

Давящая в горле, гораздо сильнее, чем когда-либо прежде, боль распространилась от устья сердца по всему телу, как разбитое сердце, и кровь медленно потекла из уголков его глаз.

"Мастер, Мастер!" Голос сектантов, кричавших всю дорогу из-за двери, заставил Яююэ остановиться, а затем спросил, "Что так взволновало?".

"Янь И вошел в гору". Сектанты задыхались.

Глаза Яююэ внезапно загорелись, она отмахнулась от хлыста и сказала: "Сегодня вам дешевле, пойдемте".

Яююэ взяла инициативу в свои руки и вышла. Последний прихожанин прошел к двери и вернулся обратно, отвязал Линь Цинъюя, помог ему добраться до забора, а затем зачерпнул в стоявшее рядом ведро две миски с чистой водой и поставил их вместе с черпаком. С одной стороны он подобрал лежащий на земле серебряный билет, не спеша отошел и любезно закрыл дверь пещеры.

Ин Тринадцатый поймал тело Линь Цинъюя. Когда культиваторы ушли, он взял тряпку и смочил небольшим количеством воды, чтобы смыть часть отходов, затем достал из каменной трещины бутылочку с лекарством и равномерно сыпал порошок. На рану.

Он сыпал много. Хотя Линь Цинъюй запутался в боли, он все же сказал: "Еще..."

Ин Шисань стиснул зубы и не издал ни звука. Рассыпав весь порошок, он разорвал порванную белую одежду на полоски ткани и перевязал ее.

Лекарственный порошок попал на его тело, и от прохлады боль Линь Цинъюя немного ослабла, его затуманенные глаза медленно прояснились, а затем он увидел два кровавых следа в уголках глаз.

"Тринадцать?" Это был след крови и слез, прошептал Линь Цинъюй, бессознательно неся в своем сердце чувство печали и скорби.

Ин Шисань тоже сыпала немного лекарства на шрам на запястье, который был туго перетянут веревкой, а затем прижала руку к сердцу и прошептала: "Ты знаешь, как это больно?".

Глаза Линь Цинъюя немного опустились, и он услышал, как он смеется над собой: "Я так недостоин твоего доверия?"

"Бессознательно повернула голову и посмотрела на него, как раз вовремя, чтобы встретить его печальный взгляд, и сердце бессознательно ослабло. , прошептала: "Я тоже думаю, что если мы будем чередоваться, то сможем поддержать еще несколько дней". Только произнеся несколько слов, рана снова разболелась, и от боли она приуныла и сказала: "Я также знаю, что долго не протяну, я просто хотела плакать и умолять его".

Если бы не эта сука, я бы закричала еще до того, как был нарисован первый кнут, - внутренне вздохнул Линь Цинъюй, - такая боль не означает, что ты сможешь ее вытерпеть, если захочешь. Инстинктивная реакция твоего тела невозможна. Контролируемая разумом, с каким

упорством ты выдержала вчера 30 ударов плетью? Другими словами, в красном доме, как вы жили в молодости?

"Господин, не делай так больше, хорошо?" Ин Шисань посмотрела на нее сверху вниз, с мольбой и горькими рыданиями в голосе, и сказала: "Пожалуйста, поверь мне... Ин Шисань - твой охранник".

Линь Циню на мгновение растерялся, а затем в нем вспыхнула душевная боль, но его губы задрожали, но он не мог говорить.

Наблюдая за тем, как Лин Циню медленно засыпает под воздействием лекарственных свойств, Ин Шисань долго смотрела на шрам на своей груди. От боли в груди в горле стало сладко, и она проглотила **** обратно. Ин Шисань перевела взгляд на дверь.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2527915>